

ВИКЕНТИЙ РУСАКОВ

Я ТЕБЯ
никому
НЕ ОТДАМ

Любовь. Ошибка.
И единственный путь

к спасению...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Викентий Русаков

Я тебя никому не отдам

<https://litres.ru/73920146>

SelfPub; 2026

Аннотация

Провинция. Тихий, спокойный город, областной центр. Ночь, на дежурстве врач Тимур Фонарёв. В больницу поступает подросток в тяжёлом состоянии. Ребёнка может спасти только сосудистый хирург Яшин. Как нарочно до него невозможно дозвониться...

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	13
5	15
6	17
7	22
8	29
9	37
10	39
11	44
12	46
13	52
14	55
15	59
16	62
17	65
18	69
19	74
20	80
21	86
22	90
23	95

Викентий Русаков

Я тебя никому не отдам

1

Часы на стене показывали половину первого ночи. Тимур Фонарёв дежурный врач спал, развалившись в кресле за столом в своём терапевтическом отделении больницы. Он был терапевтом. Ему было тридцать шесть лет. У него было большое круглое лицо, чуть кудрявые русые волосы и маленькие глаза. Он был полноват и неуклюж. Сон у него был хороший, крепкий. Засыпал Тимур легко и быстро. Он собирался лечь в процедурном кабинете, но лень было вылезать из-за стола. Так терапевт отключился прямо в кресле. На столе противно заверещал телефон. Верещал минуту, дольше. Тимур проснулся, понял, что происходит, взял трубку.

- Алло. Да. Фонарёв. Слушаю.

- Тимур Валентинович. Авария. ДТП. Мальчик, четырнадцать лет. Тяжёлый, - доложил дежуривший в приёмном покое Белкин.

- Тяжёлый? Всё! Бегу!

Он спустился на первый этаж в приёмный покой. В кабинете мальчика уже осматривал хирург Иванов – лысый худой дядька пятидесяти лет. Мальчик молчал.

- Он без сознания, - сказал Иванов.

- Ты всё сделаешь? – спросил Тимур.

- Нет, у него повреждены кровеносные сосуды. Нужен сосудистый хирург.

- Яшин. У него же выходной. Спит, должно быть, бедняга. Это ладно, а если он пьяный? Он мог позволить себе сегодня.

- Плевать! Вытаскивай его: хочешь из постели, хочешь из кабака, хочешь из самого ада. Без него мальчик умрёт!

Тимур полез в карман белого халата, достал мобильник и принялся искать в контактах номер Яшина. Яшин, Яшин, где же ты у меня записан?

2

Оля стояла на балконе пятого этажа девятиэтажки и курила. У неё было красивое лицо, белые волосы, стройная фигура. Ей было тридцать два года. На улице было темно и слегка прохладно. Был июль. На ней была только рубашка. Сзади подошёл Борис. Он был абсолютно голый. Лицо Бориса было с правильными, но несколько строгими чертами. Фигура у него была крепкая, жилистая. Борис обнял Олю.

- Бесстыдник, что ты творишь?

Оля смутилась.

Борис целовал Олю в шею и уши.

- Девочка моя.

- Тебе мало было?

- Я без тебя не могу прожить и минуты.

Оля засмеялась.

- Врун.

- Врун? Я тебе покажу, какой я врун.

Он забрал у неё сигарету и выкинул её, поднял Олю на руки и понёс в комнату.

- Сумасшедший, – лепетала Оля.

Они упали на кровать. Борис целовал её всю. Потом они целовались в губы, возясь и перекатываясь. Оля приподнялась, сняла рубашку и кинула её на пол. Борис спустился вниз и принялся ласкать её киску, похотник. Оля сжимала

его волосы и глухо, постанывала. Потом она ласкала губами и ртом его член.

- Милая, ещё, ещё, - бормотал в полузабытьи Борис.

Он отстранил её и положил на спину.

- Родная моя. Ненаглядная.

Борис вошёл в неё аккуратно и начал двигаться то медленно, то быстро.

- Боря, Боренька.

Оля закрыла глаза и обвила его шею.

- Оленька. Любовь моя! Как же я люблю тебя! Сладость ты моя!...

Спустя десять минут они лежали уставшие и опустошённые в объятиях друг друга. Оля положила голову на грудь Бориса. Он гладил её волосы. Оля подняла голову.

- Ты слышишь?

- Что? Как бьётся твоё сердце. Слышу, конечно.

- Это мой мобильник.

- Ночь же. Ошиблись номером. Забей.

- Может быть, что-то важное.

Оля встала и нашла свой мобильник на подоконнике.

- Муж. Тимур.

- Он же на дежурстве должен быть.

- Неужели он вернулся домой и не обнаружил меня? Что мне делать? Отвечать?

- Не надо.

- Нельзя так.

Оля ответила:

- Да. Я сплю. Ты чего, Тимур?

- Где ты? Дома?

Повисла пауза.

- Да. А почему ты спрашиваешь?

- Ты не знаешь, где Яшин?

- Нет, а почему ты про него спрашиваешь?

- Его все ищут. Его телефон не отвечает.

- Мальчик в реанимации. Нужна его помощь. По его теме.

Повреждение кровеносных сосудов.

- И что делать?

- На тебя вся надежда. Оденься и добеги до него. Ты знаешь, где он живёт?

- Ну, примерно.

- Как тебе объяснить, девятиэтажка, что в трёхстах метрах от нашего дома. Пятый этаж. Квартиру не помню. Найди его или мальчишка погибнет. Наверняка спит пьяный урод. А, если его дома нет, то беда.

- Ладно, одеваюсь, бегу.

Борис уже привстал и одевал трусы.

- Меня ищут?

- Не могут до тебя дозвониться.

- Ну да, у меня разрядился телефон. Всё время забываю его во время зарядать.

- Мальчик. Нужна операция. Я с тобой.

- Не надо.

- Я же операционная медсестра.

- Ладно, едем.

3

Серая японская иномарка стала рядом со входом в приёмное отделение больницы. Машина была старая. Из неё выскочили Яшин и Оля и направились к открытой светящейся двери входа, около которого мелькала плотная фигура Тимура.

- Наконец! Бегом в операционную! А ты, Оленька, зачем здесь?

- Как зачем? Я операционная медсестра. Ты забыл?

Борис и Оля переоделись и поспешили в операционную.

Тимур около часа сидел на скамье у двери операционной. Дверь раскрылась. Вышел Борис. Он снял маску и сел рядом с Тимуром.

- Что? - спросил Тимур.

- Всё хорошо. Пациент будет жить. Ничего ампутировать ему не надо.

Тимур сильно выдохнул, потом посмотрел на Бориса.

- Ты пьян? - спросил.

- Ага. Только не от вина или водки, а от любви.

- Дурачишься всё. Шутки шутишь. Ты полюбил? Это невозможно. Ты законченный эгоист, а любовь требует жертв.

- Это не любовь требует жертв, а мазохизм. Любовь она или есть или её нет.

- Всё равно в паре кто-то один любит, а другой только делает вид или даже не скрывает своего равнодушия.

- Не всегда так. Бывает так, что любят оба.

Тимур усмехнулся.

- Мечтатель. Сказочник. Кто же эта дама, которой удалось растопить самое ледяное сердце Твери?

- О. Она прекрасна, она само совершенство. Чудо!

- Я её знаю?

- Ты?

- Я.

Борис пожал плечами.

- Колись.

Тимур толкнул Бориса в плечо.

- Потом тебе как-нибудь всё раскрою.

- Раскроешь? Это, что великая тайна?

4

Был солнечный день. Оля вышла во двор больницы, села на скамейку и закурила. Скоро к ней подсел Борис.

- Зачем? Нас могут увидеть, - напряглась Оля.

- Уже видят.

- Не надо, Борь, пожалуйста.

- Оля, я люблю тебя. Так дальше не может продолжаться.

Мы не можем, не должны никого обманывать, а самое главное самих себя. Уходи от Тимура.

- Ты думаешь, это так просто?

- Ты не любишь его.

- Дело не только в любви.

- А в чём же ещё?

- Он не переживёт этого. Я для него всё.

- А он для тебя пустое место. Это бред. Я сам с ним говорю.

- Не надо. Я сама должна решить всё.

- Это долго?

- Не знаю.

- Когда я вижу тебя, и не могу ни обнять тебя, ни прижать тебя к себе, я чувствую себя очень паршиво; так, что жить не хочется.

- Это страсть. Страсть проходит.

- Нет!

- Боря. Не надо. Не сейчас. Прошу.

5

Была среда, когда у Оли и её мужа совпали выходные. После обеда они отправились на пляж на Волгу.

Тимур охотно окунался в воду несколько раз, плавал. Оля сидела в купальнике, в солнцезащитных очках и шляпке на расстеленном на песке голубом покрывале. Тимур мокрый подсел к ней.

- Не хочешь окунуться?

- Пока нет.

Где-то пела Тэйлор Свифт "Cruel Summer".

- Ты какая-то грустная, - заметил Тимур.

- Это всё выгорание.

- Нам надо в отпуск уехать на юг.

Рядом на двух покрывалах разместились компания мужчин и женщин средних лет. Они пили пиво, громко разговаривали, спорили. Рядом с ними бегал мальчик в панамке пяти лет.

Тимур взял жену за запястье.

- Оленька, я отыскал в Москве адрес одного замечательного врача. Он обязательно поможет нам родить.

Оля промолчала.

Они были в браке пять лет и Ольга никак не могла забеременеть.

Тимур чуть улыбнулся. Он вспомнил, как бегал, волочил-

ся за Олей два года. Два года унижений и страданий. Он был доволен - теперь она его. Они спят в одной постели. Она готовит ему еду. Это ли не счастье. Он улыбнулся шире. Оля заметила это.

- Ты чего?

- Просто радуюсь. День какой хороший и ты рядом.

Он приобнял жену.

- А знаешь, что Борис мне ляпнул?

- Борис?

- Ну, Борька Яшин. Которому ты ассистируешь.

- Что же он болтает?

- У него появилась дама сердца.

- Что же тут смешного?

- Как что? Где Борька и где любовь?

- Ты же его просто не знаешь.

- А ты знаешь?

- Да ребята рассказывали про него....

- Что?

- Да слаб он на передок. Ни одной юбки мимо не пропустит. Озабоченный. Столько лет всё ходит в холостяках. Паразит. Тыкает во всё что шевелится и не шевелится, во всё что дышит и не дышит.

- Это те всё слухи, наговоры.

- Слухи-то, да, они и есть слухи. Но люди ерунду болтать не будут. Дыма без огня не бывает.

6

Была пятница. Время близилось к обеду. У Бориса не было работы. Он слонялся по больнице и решил заглянуть в кабинет к рентгенологу Мите Королёву. У Мити была внешность типичного интеллигентного молодого человека: худое лицо, очки, длинные волосы. Ему было уже тридцать девять лет, а выглядел он от силы лет на двадцать пять. Его иногда называли самым завидным девственником Твери. Он был холост, никогда не был женат, и детей у него не было. Всё, как у Яшина. Королёв был единственным человеком в больнице, которого можно было назвать другом или приятелем Бориса. Они как-то сразу сошлись, когда Борис перевёлся в их больницу. Злопыхатели шутили за их спинами, называя их голубыми. У Мити работы в тот момент тоже не было. Борис постучал в его кабинет, вошёл в него, бесцеремонно сел на стул в помещении, где Митя работал за компьютером, что-то печатал.

- Давай бухнём чайком, - предложил Борис. - Есть у тебя что-то к чаю?

- В холодильнике шоколадка есть.

- Что же ты молчишь, сукин ты сын?

Борис по-хозяйски залез в холодильник и извлёк из него плитку шоколада, после чего включил электрический чайник на столике. Чайник вскипел. Медики сделали себе чай.

Митя пил чай смешно маленькими глотками и откусывал шоколадку маленькими кусочками.

- Мне Женя сказала, что у тебя роман с Олей, - неожиданно сообщил Митя.

- Женя? Кто такая Женя?

- Санитарка. А что? Санитарка для тебя уже не человек?

- Пол человека. Или нет – четверть.

- Мне нравится твой жестокий юмор. Удивительно, как ты с такими задатками выбрал такую гуманную профессию?

- Резать людей – это жестокое занятие.

- А, извини, забыл, что ты хирург.

- И что многие знают про меня и Олю?

Митя пожал плечами и спросил:

- Это правда?

- Естественно.

- Тебе её не жалко?

- С ней всё в порядке. Она счастлива. Со мной.

- Она разводится?

Митя расширил глаза.

- Пока нет. Но всё идёт к тому.

- Как Тимур со всем этим справится?

- Плевать.

- У них всё же семья. Он её любит.

- А она его нет.

Митя помотал головой.

- Псих.

- Ты никогда не любил – тебе не понять.

- А у тебя много таких было Оль?

- Почему ты спрашиваешь?

Митя ухмыльнулся.

- Про меня что-то рассказывают в больнице?

- Да, слухи всякие гуляют.

- Например?

- Дескать, пришёл такой весь из себя из другого места. Отработал всего полтора года, а уже строит из себя невесть что. И ещё неженатый: или перетоптал всю больницу, в которой до этого работал или извращенец.

- Дебилы.

- Они – люди. Живые. Им всё интересно. А более всего личная жизнь тех, с кем они работают.

- Это моё личное дело. А люди у нас дикие, некультурные.

Борис вышел от Мити. Он проходил мимо кабинета, где находилась раздевалка для медперсонала. Дверь была открыта, и Борис увидел, как переодевается новая медсестра Леночка. Ей было тридцать лет. Она сняла халат и стояла перед зеркалом в одних стрингах и лифчике. У неё была точёная фигурка, длинные ноги, упругая попка, грудь небольшая, но аккуратная изящная. Борис невольно остановился и залюбовался девушкой. Леночка трогала свою грудь, а потом попку. Она улыбнулась себе в зеркало. Заметив Бориса, она вздрогнула, принялась закрывать грудь. Борис поднял руку перед собой.

- Извини, я случайно проходил мимо.

И он ушёл.

Погода была хорошей, тёплой. Светило солнце. Борис вышел из здания больницы и сел на скамейку во дворе. Он не курил. Думал об Оле и о словах Мити. Может быть, правда, разбивать чужую семью – это злодейство, подлость и скверное дело. А любовь? Или это была страсть? Инстинкт? Основной? Он не заметил, как рядом села Леночка и закурила тонкую женскую сигарету. У неё было красивое круглое лицо, русые волосы и серые глаза. От неё исходил приятный запах духов. Борис поглядел на неё. Она на него. Улыбнулась.

- Хорошая погода, - заговорила она.

- Погода, как погода.

- А вы большая вредина, Борис Геннадьевич.

- Какой есть.

- Дерзкий, жёсткий, с юмором. И почему у вас нет никого?

Я удивляюсь. Всё из-за вашего характера?

«Хоть она не знает о моём романе с Олей», - подумал Борис.

Он поморщился.

- Возможно. Характер у меня такой – на любителя.

- А мне нравятся своенравные мужчины. С характером, с перчинкой.

Лена докурила, затушила бычок, выкинула его в урну, встала и пошла.

- Счастливо, - попрощалась она.

«А она меня хочет», - сообразил Борис.

Она смеялась над ним. Красивое лицо портила кривая улыбка. Синие, как северные озёра глаза, сияли ледяным блеском. Она манила, она злила, она сводила с ума. Зачем она пришла? Что ей надо?

Яшин закричал во сне и проснулся. Он весь вспотел.

В комнате уже было светло. Шестой час утра. Будильник должен зазвенеть в шесть. Яшин закрыл глаза, но сон не шёл.

У него в квартире была одна комната. Оля говорила, что его квартира похожа на музей. Посреди комнаты стояла сквозная стенка с полками-квадратами, на которых лежали книги, стояли банки с заспиртованными насекомыми и прочими мелкими гадами.

Яшин покрутился. Вспомнил про Леночку. Вот бы её сейчас сюда. А, что: в ней что-то было. Он мужчина свободный, а Оля всё тянет чего-то вола за хвост, не собирается уходить от своего никудышного мужа. Леночка, Леночка. Он вообразил её рядом, как он гладит её ноги, ягодицы. Стоп. Хватит. Надо было собираться на работу, а не распалять себя страстными фантазиями.

Около входа в больницу Яшину путь преградил мужчина темно-волосый в старой клетчатой рубашке. У него было коричневое лицо, почти как у мулата или индейца. Тяжёлый физический труд быстро старит людей и портит внешность.

Яшин почувствовал угрозу. Он остановился и вопросительно посмотрел на типа.

- Вы что-то хотели?

- Борис Геннадьевич, это вам.

Мужчина быстро сунул конверт в руку Яшина.

- Что вы делаете? Это не хорошо. Я не могу ничего взять от вас, - начал сопротивляться Борис.

- Можете. Вы спасли моего сына. После ДТП. Долг платежом красен.

И мужчина быстро ушёл.

Борис сунул конверт с карман джинсов и раскрыл его в своём кабинете, когда был один. В конверте лежали двадцать пять тысяч рублей пятёрками. Ну зачем? Для этого человека это были большие деньги. Борис не сомневался в этом.

В тот день Борису предстояло делать операцию. У входа в операционную он столкнулся с Олей. Половину лица её скрывала маска. Рядом никого не было.

- Как дела? Я соскучился. Когда у твоего дежурство? - спросил Борис.

- Мне приснился дурной сон.

- Что же в нём было дурного?

- Ты был с двумя женщинами. Развлекался с ними в бане.

А я плакала.

Борис засмеялся.

- Тебе смешно?

- Я рад, что ты ревнуешь меня. Значит - любишь.

- Издеваешься?

- Просто - люблю. Тоже.

- Как у тебя всё легко.

- Зачем усложнять жизнь. Ты поговоришь со своим благоверным?

- Дай мне время.

В помещение вошли другие специалисты.

После операции Борис вышел во двор подышать свежим воздухом. Он гулял - шёл вдоль забора.

- Борис Геннадьевич, - кто-то окликнул его сзади.

Он оглянулся.

- О, Ленечка, Вы охотитесь за мной?

- Надо больно.

Лена состроила обиженную гримасу.

- Может быть, мне это приятно, - попытался сгладить ситуацию Борис.

Лена улыбнулась. Они пошли вместе.

- Вы, как к кино относитесь? - спросила Лена.

- Кино? Тарковский, Феллини, Форман, Паркер, Вуди Аллен. Уважаю.

- Кто все эти люди? Я только про Тарковского слышала.

- Замечательные ребята.

- А я люблю простое кино. Но готова приобщиться и к высокому искусству, если вы мне поможете в этом разобраться.

- Помогу. Когда будет время.

- Значит, мы можем вместе сходить в кино или дома что-

нибудь посмотреть?

- Почему бы нет. Но когда у меня будет время.

- Хорошо. Я так рада.

Она ушла, а Борис подумал, не поторопился ли он обнадёживать Леночку? Он вспомнил, что у неё был ребёнок. Борис с трудом себя представлял воспитывающим детей, тем более не своих. Ему казалось, что это очень большая ответственность.

- Рабочий день заканчивался. Борис печатал на компьютере в своём кабинете отчёт. Мысли о Леночке не давали нормально соображать, правильно подбирать слова. Он встал и вышел из кабинета. Ему нужно было в туалет. В коридоре он столкнулся с заведующей гастроэнтерологии Ириной Мироновой. Она была красивой брюнеткой с тонкими чертами лица и короткой стрижкой. Ей было тридцать три года.

- О, Борис Геннадьевич, вы ещё на работе?

Миронова стала на пути Яшина.

- Рабочий день ещё не закончен.

- Идите к нам. В мой кабинет. У нас день рождения. У Лизы Черновой. И у нас одни только девочки. И Белкин. Приходите очень прошу.

- Пригласите Фонарёва.

- Он очень любит жену. И боится себя скомпрометировать. Это очень смешно. А вы же свободны.

- Ладно.

После туалета Борис пошёл к Мироновой.

У неё в кабинете за столом сидели: она и ещё три женщины. Среди них выделялся Белкин. Он пытался шутить, рассказывая тупые анекдоты. Ирина налила Борису пластиковый стакан белого вина.

- С вас тост, - обратилась к Борису незнакомая ему женщина с большой головой.

- За Лизу.

- Класс, - поддержал его Белкин. - Какой классный тост, почему мне он не пришёл в голову.

Борис растягивал стакан вина. Он слушал, молча разговоры коллег.

- Борь, я хотел тебя спросить. Ты же к нам пришёл из другой больницы. Из какой? - спросил почему-то Белкин. Борис молчал.

Повисла напряжённая пауза.

Напряжение удалось разрядить Ирине. Она встала, подошла к Борису, тронула его за плечо.

- Зачем человеку задавать неудобные вопросы? Белкин - Ты врач или сапожник?

Белкин вопрошающе поглядел на Ирину.

- Что я такого спросил?

- Ничего, проехали. Борь, пойдём на улицу покурим.

Они вышли во двор. Ирина закурила. Борис стоял рядом.

- Борис, у меня к вам просьба. Мне доставка должна привезти большую посылку. Нужен человек помочь её поднять на третий этаж ко мне. Поможете?

- Помогу - куда деваться.

Они пошли к Ирине. Она жила недалеко от больницы. Поднялись в её квартиру. Квартира была отделана в современном стиле.

- Когда приедет доставка? - спросил Борис.

- Доставка? Какая доставка?

Ирина смотрела в его глаза своими серыми выразительными глазами. И Борис не успел глазом моргнуть, как она обвила руками его шею и её губы слились с его губами. Она зажмурила глаза. Она хорошо пахла дорогими духами. Борис немного пришёл в себя и отстранил её.

- Ира.

- Борис, извините. Я ни на что не претендую. Вы можете побыть со мной немного. Или я совсем вам не нравлюсь? Вы такой красивый и замечательный мужчина. Мне кажется я потеряла голову от вас. Но я ни на что не рассчитываю. Правда. Полюбите меня. Хотя бы раз.

Разум Борису подсказывал, что надо было бежать, но сердце наоборот кричало: бери её, бери быстрее. Она была так сексуальна и притягательна.

- Я в душ, - сказал Борис.

Душ был просторный и красивый. Борис стоял под тёплыми струями. Он услышал, как дверь открылась. Вошла Ирина. Она была уже раздета. Она залезла в душ и обняла Бориса сзади. Она целовала его шею и спину, трогала, разминала его член.

- Боря. Боренька. Какой же ты хороший и сладкий, - приговаривала она.

Она стала на колени, раздвинула ему ягодицы и принялась лизать его анус и его окружье. Потом она развернула Бориса и сосала его член с нежностью и тщанием.

- Ира, что ты делаешь? Ира! - бормотал Борис.

Он отстранил её, взял за руки, поднял, поцеловал в губы.

- Ира, - только сказал он.

Он поднял её на руки и понёс в комнату. Они упали на кровать, страстно целуясь в губы.

- Ира! Ира! Какая же ты.

- Какая?

- Необыкновенная.

Борис потрогал её киску. Та была вся мокрая. Положив Иру на бок, Борис вошёл в неё сзади. Ирина сильно охнула.

- Боря! Боренька!

- Ира! Милая!

Борис входил в неё всё быстрее и яростнее, целуя её плечи, лицо, голову и трогая её грудь...

8

- Это он? Белый?

Оля показала рукой на большой гриб. Подошёл Тимур.

- Это подосиновик, - сказал он, срезал гриб и кинул в корзину жене. – Поздравляю с первым трофеем.

Они брели по лесу с корзинами. Корзина Тимура уже была полна наполовину.

- О чём ты думаешь? Куда ты смотришь? – спросил он, срезая несколько маслят.

- Под деревья. Куда же ещё.

- Грибы – это не твоё. Милая, ты лучше справляешься на кухне и ещё кое-где.

Оле стало тепло от этой простой и доброй похвалы. Ей, казалось, что у них было всё очень банально и не часто в постели, но она старалась быть отзывчивой к мужу. Она привыкла к нему, к его запаху. Он много душился одеколоном, особенно перед сексом. Он любил это делать в темноте – стеснялся своего тела. В постели всё было всегда одинаково. Тимур был ласков и старался, что есть мочи доставить Оле удовольствие. Он ложился у её паха головой и вылизывал её промежность до изнеможения. Изредка Оля испытывала оргазм от этой процедуры. Входил он в неё осторожно, обычно в позе миссионера. Он зачем-то закрывал глаза во время движений. Двигался он недолго. В эти моменты он был немногословен.

Он обычно бормотал только:

- А-а-а, - когда ему было особенно хорошо.

Или:

- О-о-ля! – когда он приближался к разрядке.

Он был хороший. Тимур. Только она подумала об этом, как ей вспомнился Борис. Его роскошная улыбка на миллион рублей, его развязность и напор. От него исходили килотонны сексуальной энергии, которой она заряжалась воле-неволей, когда была рядом с ним. Олю как будто токомшибануло. Она вздрогнула.

- С тобой всё в порядке? – спросил Тимур.

Он бросил искать грибы и смотрел на жену.

Оля стояла перед елью, уставившись на неё.

- Ты что? Что ты увидела? – обеспокоился Тимур.

Оля поняла, что смотрит на ель. Что с ней было? Это определённо какое-то колдовство. Что с ней сделал Борис? Это было что-то за пределом человеческого.

- Тимур, я хотела с тобой поговорить.

- О чём?

- Нет, не сейчас. Надо собраться мыслями.

Тимур подошёл к Оле, нежно обнял её, прижал к себе.

- Девочка моя. Ты так устала. Нам нужно поскорее в от-
пуск.

- Конечно.

- Может быть, хватит на сегодня?

- Да, идём домой.

Они пошли по тропе до разбитой дороги, ведущей в деревню, где был дом бабушки Тимура. Бабушки уже не было на этом свете. Тимур использовал дом, как дачу. Вышли из леса. Дорога вилась через поле, за которым виднелись серые и коричневые домишки деревни.

Оля вспомнила зачем-то свою жизнь. Ту её часть, где были отношения с мужчинами. Она стала подругой заводного баламута и хулигана Лёхи Петрухина, который был старше её на два года ещё в школе. Он был симпатичный и очень весёлый. Она его искренне любила и не понимала, почему тот не нравился её родителям. Петрухин плохо учился и с трудом закончил девять классов. Родители Оли хотели, чтобы дочь получила высшее образование. Оля училась хорошо, но не столько благодаря природным способностям, сколько упорству и помощи родителей. Мама Оли была врачом-терапевтом, а папа водителем. Мать сокрушалась, когда сомневалась в талантах дочери, признавая, что она пошла больше в отца, чем в неё. Поступить в медицинский институт Оле не удалось. Она поступила в педагогический вуз, но проучилась в нём лишь год. Её отчислили за плохую успеваемость. К этому времени её любимый Петрухин уже успел стать наркоманом и сесть в тюрьму. Олины родители были рады, что их дочь не успела выскочить замуж за этого дегенерата. Но они рано радовались. Оля поступила в медицинское училище. Она быстро нашла себе новых подружек и в их компании встретила своего нового возлюбленного женатого оператив-

ного сотрудника полиции Игоря Морозова. Он был типичным рубахой-парнем. Оля сохла по нему и ждала его, как дурочка. Их встречи были редки и мимолётны. Мент не собирался разводиться с женой, которая была у него уже второй. Первой он платил алименты за двоих детей. Когда мать Оли узнала об её новом романе, её едва не хватил сердечный приступ. А Олин папа встретил Морозова прямо у подъезда его дома и начистил ему хлебало. На его счастье мент всё правильно понял и не посадил его. Он прекратил встречаться с Олей. Потом был Олег – красивый, как Аллен Делон и даже красивее того раз в десять. Он был дальнобойщиком. С ним Оля познакомилась опять же на одной из вечеринок со своими подружками. Олег любил выпить и любил тыкать свою дулю во всё, что хорошо или плохо движется. Он не скрывал своих измен, но даже будто бравировал ими. Он всем своим видом будто показывал: дурочка, посмотри, какой я, таких больше нет – мне позволено, я могу и должен пользоваться всеми, кто мне понравится. Оля пролила немало слёз, заставая Олега в постели со своими разовыми подружками. Однажды он оттоптал жену одного уважаемого человека в городе. Олега избili до полусмерти. Разъярённый муж обещал лично его изнасиловать, если он ещё хоть раз притронется к его жене. Олег лежал в больнице. Оля ходила к нему каждый день. Иногда она заставала в палате у кровати Олега других девушек. Точка в их романе настала, когда Олег заразил Олю дурной болезнью. Мать на-

зывала Олю душой и призывала её немедленно выйти замуж за первого встречного нормального человека. Такой уже был под рукой. Тимур. Он ходил за Олей по пятам, как её самый преданный поклонник долгое время, набиваясь ей не то, чтобы в женихи – хотя бы в друзья. И так стал её другом. Тимур пережил страсти с Морозовым и Олегом. Его жгла страшная ревность. Ему хотелось зарезать их обоих, облить их тела бензином и сжечь. Но он терпел. Ради заветной цели. Вдруг Оля – это его божество станет его. Всецело, без остатка. Ум его не верил, что это возможно. Но сердцу не прикажешь. И вот на тебе – удача. Оля обратила на него внимания. Она сама предложила, не сходить ли им в кино, потом в кафе. Она присматривалась к нему. Он многое ей позволял сначала: напиваться до одури в компании подружек, забывать о нём на какое-то время. Он терпеливо ждал её у домов, где происходили девичьи вакханалии, чтобы потом доставить Олю благополучно родителям в целостности и сохранности. Олины родители молились на Тимура. И они поженились. Оле было хорошо с Тимуром. Он был тёплый, уютный, надёжный. Она стала реже встречаться с подругами. Тимур старался различными уловками ограничивать эти встречи. У них было всё ровно и спокойно. Только Оля никак не могла забеременеть. Тимур очень хотел детей. Оля относилась к этой проблеме спокойно. Нет, так нет. Они жили в квартире Тимура – двухкомнатной с хорошим ремонтом на втором этаже сталинки. Квартира досталась Тимуром от бабуш-

ки. Всё изменилось, когда в их больнице появился Борис. У Оли ёкнуло сердце. От него исходила магнетическая энергия. Другая медсестра Шура призналась, что её будто током бьёт, когда Борис находится рядом. Оля помогала Борису делать операции, ассистировала ему. Однажды после операции наедине Борис заметил: «Какая у тебя классная попка. Повезло же твоему мужу». Олю будто ударил сильный разряд электроэнергии. Она вздрогнула. Иногда они сталкивались в компаниях врачей на общих посиделках. Борис любил шутить. Он шутил жётско, обидно, унижая кого-то из коллег, но ему почему-то всё прощали. Борис классно играл на гитаре. Особенно здорово у него получалось исполнять испанские мелодии. Медсестра Лиза как-то потом после таких исполнений призналась Оле, что она была вся мокренькая и еле сдерживала себя. Борис умел показывать разные фокусы, которых знал около двухсот с картами и не только. И ещё у него были энциклопедические знания. Один раз он на спор разгадал большой кроссворд целиком. Пospоривший с ним врач купил ему три бутылки коньяка. Все пришли к выводу, что Борис гений. Странно, что он оперировал тут в Твери, а не в Москве или в Париже. Самое непоправимое случилось после дня рождения Белкина. Выпивали на рабочем месте вечером. Тимура не было. Он болел и находился дома. У Бориса была тяжёлая операция. Он очень устал и позволил себе выпить лишнего. Посиделки закончились. Борис с Олей поднимались на этаж, где находилось их отделение, чтобы

переодеться и пойти домой. Они мило беседовали, как хорошие добрые друзья. Зашли в раздевалку.

- Я первая, если ты не возражаешь, - сказала Оля и широко улыбнулась.

Борис прислонился плечом к косяку двери.

- Возражаю.

Оля не понимала, что происходит. Борис подошёл к ней, провёл пальцами по её щеке.

- Оленька.

- Борис, не надо. Я прошу.

- Олюшка, милая моя.

Борис опустился на колени и принялся целовать её ноги от коленей и выше по внутренней части бёдер. Оля потеряла голову, будто разум её покинул на какое-то время. Когда сознание вернулось, она поняла, что на ней был только халат. Её обнимал и целовал Яшин. Внизу всё было мокрым и что-то твёрдое входило в её лоно.

- О-о, - простонала Оля.

- Оля, звезда моя, любовь моя, что ты делаешь со мной? Звезда моя, любовь всей моей жизни, - лепетал Яшин.

И после того раз понеслось. Они встречались при первом удобной возможности. Такого накала страсти у Оле не было ещё ни с кем...

Они дошли до дома. Оля села во дворе на скамейку-качели. У неё был задумчивый вид.

- Устала? – спросил Тимур.

- Есть немного.

- Надо приготовить еду.

Оля молчала.

- Хорошо я приготовлю, - сказал Тимур и пошёл в дом.

Через пятнадцать минут Тимур вышел с бутербродом с колбасой, который дал жене.

- Спасибо, - сказала Оля и принялась жевать бутерброд.

Тимур сел рядом с ней и приобнял её.

- Оля, ты хотела о чём-то поговорить со мной, - напомнил он.

- Да. Мне, кажется, у нас всё неправильно. Мы как-то неправильно живём.

Тимур изменился в лице. Оно стало бледным и очень некрасивым.

- Ты это о чём? Я не понимаю.

- Ты очень хороший, а я...

- Ты самая лучшая жена на всё белом свете.

- Тимур, не говори ерунду. Ты знаешь, какая я.

- Ты опять встречаешься с Морозовым или этим даль-ноёбщиком Олегом?

- Нет, - твёрдо ответила Оля.

Лицо Тимура снова приняло обычный нормальный вид.

- Так в чём же дело, дорогая?

- Ни в чём, забей. Так нашло что-то.

9

В городском парке крутилось чёртово колесо. Кто-то забирался и садился в опускающиеся идвигающиеся дальше кабинки. Другие люди выходили из кабинок. Так из одной кабинки выбрались Борис, Ирина и её девятилетний сын Семён. Они прошли к выходу из аттракциона. Вышли и пошли по главной аллее парка, взявшись за руки. Довольный Семён шёл впереди. Ирина светилась и улыбалась. Зашли в кафе. Семёну купили мороженое. Ирина и Борис пили кофе с пирожками. Семён спросил:

- А вы, кто маме? Просто дядя или друг?

- Друг, - быстро ответил Борис.

- Семён, что за вопросы? - накинулась на сына Ирина. -

Прекрати.

Семён сжался, напрягся.

После кафе пошли к другим аттракционам. Семён стрелял в тире, потом катался на карусели. Ирина и Борис стояли у оградки.

- А кто отец Семёна? - спросил Борис.

Улыбка стёрлась с лица Ирины. Борис заметил это и поморщился. Понятно, отец оказался либо гомосексуалистом, либо алкоголиком, либо наркоманом, либо отпетым тунеядцем.

Когда уходили из парка, шли по главной аллее, Ирина ре-

шила рассказать:

- Отец Семёна лётчик, летчик-испытатель. Он погиб - разбился во время испытательного полёта.

Шура взяла сардельку на шампуре зажаренную на костре и откусила осторожно кусочек. Оля и Лиза поглядели на неё, дескать, как? Есть можно? Шура подняла большой палец вверх. Девчонки отдыхали на берегу Волги, пили вино из пакетов, жарили сардельки. Они сидели корягах и пнях. У них было своё любимое место у реки, где они собирались при хорошей погоде, когда была такая возможность.

- Эх, хорошо, девчонки без мужиков. Отдыхаешь душой,
- призналась Шура.

Все трое были замужем. У Шуры и Лизы были дети.

- Толку от них, как с козла молока, - поддержала подругу Лиза.

- Зачем же мы мучаемся с ними? - задала резонный вопрос Оля, разливая вино в пластмассовые стаканчики.

Шура смешно сморщила своё круглое лицо.

- Понятно, зачем, чтобы детей сделать, - нашла ответ Лиза.

- И всё? - удивилась Оля.

- Просто так принято - жить с кем-то, - сказала Лиза.

- А любовь? - не унималась Оля.

Лиза прыснула от смеха.

- Ты влюбилась что ли?

- Нет, но просто это как-то всё грустно получается.

- А ты, как хотела жизнь - не кино, - сказала Шура.

- Ты никогда не любила? - спросила Оля.

- В пятом классе. Был один дурак. Он уже на кладбище.

Спился.

- А я бы трахнула хирурга Борьку. Необычный он, сексуальный, - призналась Лиза.

- Так это не любовь, а страсть, - сказала Шура. - Я сама бы его привязала к кровати и изнасиловала бы. Ещё бы маленького от него родила бы.

- Девки, что вы говорите. Это же жуть какая-то, - возмутилась Оля.

Девчонки не хотели расходиться. У них было много тем для разговоров. Начало смеркаться. Оле позвонил Тимур:

- Ты где? Я приеду за тобой.

- Не надо, сама доберусь.

- Оля.

- Я не маленькая уже...

Оля шла одна по тёмной улице. Она рассталась с подругами на перекрёстке. Они жили в одном доме. На улице никого не было. Оля шла вдоль старого двухэтажного дома. Впереди мелькнула чья-то тень. Оля остановилась. Потом пошла. Из-за дерева на неё выскочил мужчина. Лицо его закрывал капюшон толстовки. Он приставил бритву к шее Или, а левой рукой схватил её за платье в районе груди.

- Иди за мной, цыпа. Или в миг тебе горло перережу. Не рыпайся, шлюха!

Злодей потащил Олю в кусты около дома.

В доме уже не горели огни. В сумочке Оли зазвонил мобильник.

- Вытащи его и брось на землю, - скомандовал тип.

Оля трясущимися руками вытащила телефон и кинула его на землю. Мужчина наступил на него с такой силой, что мобильник разломился на несколько частей и смолк.

- Раздевайся, дрянь! - приказал тип. - Ну! Зарежу! Тварь!

Справа послышался шум. Злодей повернул быстро голову в ту сторону. Оля ударила сумочкой по физиономии негодяя и побежала. Она выскочила на улицу. Улица была пуста. Оля бежала. Преступник гнался за ней. Оля свернула налево, где улица была шире и светлее. В двухстах метрах впереди у машины стояли двое мужчин.

- Эй! Помогите! - кричала Оля.

Она чувствовала, как у неё горят пятки. Туфли она скинула около кустов, куда затащил её преступник. До мужчин оставалось пятьдесят метров. Оля упала и закричала от боли. Она подвернула ногу. Злодей приближался. Мужчины двинулись навстречу ему и молящей о помощи Оле. Негодяй, почувствовав угрозу, остановился, а потом кинулся назад...

Оля лежала с гипсом на ноге в палате в больнице, где работала. Кроме неё в палате лежали ещё четыре женщины. Рядом с Олей сидел Тимур и целовал её руки.

- Это всё я виноват. Дурак. Первый раз не встретил тебя после ваших посиделок и вот на тебе - расплата. Дурак.

- Ты ни в чём не виноват. Это всё я. Я это заслужила.

- Что ты говоришь? Это никто не заслуживает. Милая. Ты не запомнила его?

- Его лицо было закрыто.

- А, если это кто-то из коллег?

- С чего бы это?

- Ты красивая. Многие тебя хотят.

- У нас все нормальные люди.

- Сама наивность. Все люди носят маски. А Яшин?

- Яшин? - Оля усмехнулась. - Его хотят все наши бабы.

- Все да не все. Ты же не такая, как все.

- Почему?

- Ты уже обожглась с Олегом и другими дебилами. Он может хотеть тебя любой ценой. И пусть любая готова прыгнуть ему в постель. У избалованных женщинами мужиков свои причуды. Им хочется ещё чего-то такого, с огоньком, с перчиком. Обычный секс им уже не интересен.

- Тимур, не неси чушь.

- Чушь? А ты в курсе, что никто не знает с какой больницы к нам перевели этого кадра. Откуда он свалился на нашу голову? Почему он молчит? Есть что скрывать?

- Можно спросить у Чернышова.

Оля имела в виду директора больницы.

- Чернышов его друг. Он тоже ничего не говорит. Я его спрашивал.

Тимур ушёл и спустя пятнадцать минут объявился Борис

в распахнутом белом халате.

- Оля. Оленька.

Он поцеловал её в щёку, провёл ладонью по волосам.

- Борис, ты меня скомпрометируешь. Не надо.

Яшин устроился на краю койки и взял левую руку Оли.

- Не надо одной бродить по ночным улицам, - сказал Борис.

- Ты с какой больницы перевёлся в нашу?

- Какое это имеет значение?

- Просто ответь.

- С обычной больницы.

- Ты можешь назвать её номер? Адрес?

- Милая, это допрос? Я не люблю, когда со мной так разговаривают.

Жалюзи закрывали два окна.

На подоконниках и на столиках горели толстые цветные ароматные свечи. Посреди комнаты стояли два стола. На столах на животах лежали обнаженные Ирина и Борис. Две филаппинки в розовой униформе делали им массаж.

— Ты как? - спросила Ира.

— Прикольно.

Поход в массажный салон Ира устроила за свой счёт.

— Это очень полезно. Очень восстанавливает нервную систему и физическую форму, - сказала Ира.

Борис в ответ только хмыкнул.

— Боря. Тебе не кажется, что ты находишься не на своём месте в данный момент?

— А на чьём?

— Не надо иронии. Ты - гений. Тебя в Москве с руками оторвут. Частные клиники, городские больницы будут драться за тебя.

— Ты хочешь в Москву?

— Конечно. А ты нет?

— Нет.

Они вышли из здания, где находился массажный кабинет. Ира закурила.

— Я работал в Москве, - признался Борис.

— Что?

— В Москве работал.

— Почему ты покинул столицу? Случилось что-то чрезвычайное?

Борис молчал минут девять, а потом сказал:

— Потом я тебе расскажу всё. Пока не готов.

Они шли по улице, проходили мимо девятиэтажного дома. Ира взяла Бориса за руку и повела в подъезд этого дома.

Ты чего? - не понял её Борис.

- Сюрприз.

По лестнице они вскарабкались на чердак, а с него поднялись на крышу. На крыше валялись ящики и пустые бутылки. С высоты открывался вид на большую часть города.

- Тебе захотелось романтики? - спросил Борис.

Ира обвила руками его шею. Они поцеловались. Ира потрогала детородный орган Бориса через джинсы.

- Ты когда-нибудь это делал прямо на крыше? - спросила она.

12

Борис играл в шахматы с Митей в его кабинете, когда к ним зашёл Тимур Фонарёв.

- Карпов и Каспаров, - юморил он.

Яшин никак не отреагировал на его типа шутку. Митя слегка улыбнулся, ради приличия.

- Парни, вы слышали новость? У нас новый врач, - сообщил Фонарёв.

- Тоже мне новость, - пробурчал Яшин.

- Говорят личность невероятная, даже фантастическая.

Нового специалиста звали Владимир Соколов. Он был врачом-анестезиологом. Ему было тридцать лет. У него были короткие русые волосы и зелёные глаза. Он был красив особой северной красотой. Он был строен и атлетически сложен. Его легче было принять за спортсмена, нежели за врача. Спустя неделю Соколов накрыл поляну для всего коллектива в престижном ресторане.

Пришли не все - только тридцать два человека. Соколов в костюме-тройке с жёлтым галстуком на бежевой рубашке сидел во главе стола. Он выглядел, если не на миллион долларов, то на пол миллиона точно. Так оценил его Борис. Он сидел в конце стола. Слева от него сидел Митя, справа Ира. Напротив сидели Фонарёв с женой, Оля рядом с собой держала костыль. Соколов сразу произнёс торжественную речь

в честь себя любимого:

- Дорогие друзья! Я почему-то не сомневаюсь, что мы все подружмся. Быть моим недругом я решительно не советую. Хочу сказать несколько слов о себе. Я врач. У меня хорошая практика, блестящий опыт. Прибыл я к вам в ваш замечательный город из Питера. Кто-то может подумать, зачем надо было покидать культурную столицу ради этого захолустья. И в этом человек решительно будет не прав. Тверь - это центр не культурный, не экономический, но очень важный, духовный. Это место силы. И не подумайте, что это какая-то конспирология или мракобесие. Я знаю о чём говорю. Я человек не простой. Вот скажите мне, пожалуйста, кто у вас может по глазам определять болезни, ставить диагнозы?

- Это не так сложно, - сказал Белкин.

- Отлично. Сейчас проверим ваши способности. А сначала выпьем за всё сверхъестественное; за тех, кто обладает сверхъестественными способностями, - выдал тост Соколов.

Все выпили.

- На ком будем проверять наши способности? Давайте на вас, - Соколов указал на большого рыжего мужчину - уролога Кириллова.

Он и Белкин подошли к урологу, заглянули в его глаза.

- Что вы там видите? - обратился к Белкину Соколов.

Тот долго смотрел.

- Может быть почки? - предположил Белкин. - У вас всё хорошо с почками?

- Не жалуясь.

Соколов засмеялся и дал свой диагноз

- Панкреатит, сахарный диабет.

Кириллов покраснел.

- Это правда.

После этого сеанса черной и белой магии Соколов поставил точные диагнозы ещё трём людям.

Ему дружно аплодировали все кроме Бориса.

- У нас в больнице появился ещё один гений, - сказал жене Фонарёв.

После трёх тостов Соколов продолжил удивлять своих новых коллег.

- Народ, кто из вас хорошо играет на музыкальных инструментах?

Шура крикнула:

- Борис умеет играть на гитаре.

Яшин махнул рукой, дескать, отстаньте от него, он не в настроении, чтобы играть сегодня.

Соколов продолжил:

- Сейчас наш праздник продолжится и мы послушаем, как играет замечательный музыкальный коллектив. Вы можете заказать им любую песню, любую мелодию. Но сначала я покажу, как я умею играть на музыкальных инструментах. Саксофон - как вам? Это штука непростая. Послушайте, как я могу играть.

Соколов играл на саксофоне вместе с музыкальным кол-

лективом. Он ходил вдоль стола и играл пронзительную чувственную мелодию. У Оли он остановился и играл особенно провокационно и развязно. "Он как будто имеет её по-всякому" - подумал Борис.

Музыкальный номер прошёл на ура. Народ ликовал и хлопал в ладоши. Но на этом чудеса не закончились. Прошло около сорока минут, когда Соколов вышел из-за стола и обратился ко всем:

- Есть кто смелый? Хочу показать смертельный номер. Слабонервные могут выйти покурить на улицу минут на пятнадцать.

Повисло молчание.

- Понятно, храбрецов в нашем коллективе не нашлось. Придётся искать помощи у персонала ресторана.

Борис встал.

- Ого, у нас всё же есть смельчаки, - сказал Соколов.

- Что делать надо? - спросил Борис.

Соколов махнул рукой и официанты принесли широкую вертикальную коричневую доску. Он подошёл к ней.

- Вставайте сюда, - позвал он Бориса и поставил к доске.

Официанты дали Соколову три ножа.

- Что он творит? Он же пьяный?!

Митя вскочил со своего места.

Его быстро усадили обратно. Народ жаждал зрелища.

У Бориса всё похолодело внутри.

Женщины начали дружно хлопать в ладоши и скандиро-

вать:

-Вова! Вова! Вова!

Первый нож, звеня вонзился сверху в миллиметре от головы Бориса.

- Не дёргайся, - сказал Соколов. - Можешь закрыть глаза.

Борис нарочно стоял с открытым глазами.

Второй нож вонзился в миллиметре от правого уха. Третий вошёл в дерево в трёх миллиметрах от левого уха, чуть выше его.

Смертельный номер был окончен.

Борис вернулся на место и выпил сразу рюмку водки, не закусывая.

Шоу продолжалось. Соколов показывал, как он умеет танцевать самые разные танцы. Он показал, как долго умеет стоять и ходить на руках.

- И это после бутылки водки, — хвастался он.

Женщины спрашивали его о личной жизни.

- Я женат, но это современный брак. Я человек прогресса. Я и моя жена свободны во всех смыслах. Мы открыты к другим, новым отношениям, - удивил всех виновник торжества.

Веселье закончилось ближе к полуночи.

Соколова уже изрядно шатало, но ему хотелось продолжать удивлять народ.

- Люди, есть у кого-нибудь лошади? Конюшни здесь есть? Я могу проехаться на лошади головой вниз, держась за седло вытянутыми руками...

На следующий день Борис шёл по коридору больницы и увидел, сидевшую на стуле Олю с костылём.

- Оля. Как ты?

Борис сел рядом.

- Замечательно, как видишь. Пришла к мужу.

- Я всё время думаю о тебе.

- Думай дальше.

- Почему ты грубишь? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

- У тебя есть женщина. Что тебе от меня нужно?

- Мы же не чужие друг другу, чего бы не случилось с нами дальше. Ты для меня всё равно родная и близкая.

- А ты удивил меня. Вчера. Не думала, что ты такой отчаянный и храбрый.

- Это была глупость чистой воды.

- Было весело.

- Ничего весёлого.

- Ты завидуешь.

- Кому?

- Соколову. Потому что теперь все наши бабы хотят его, а не тебя.

- Это идиотизм. Он подонок и дурак.

- И пусть, зато с ним весело.

- Он тебе тоже нравится?

- Не знаю.

13

В аэропорту Борис попрощался с Ириной. Они стояли друг против друга. Семён стоял чуть в стороне.

- Ты будешь ждать меня? - спросила Ира.

Борис ответил молчанием.

- Понятно. Мне не на что надеяться.

Ирина опустила голову.

Борис усмехнулся и погладил её пальцами по щеке.

- Малыш, ну что ты. Я же люблю тебя, - заверил он.

Ира улетела в Таиланд на отдых. У неё было правило: улетать на море не менее двух раз в году. Борис не мог полететь с ней, так как у него отпуск был осенью, а брать липовый больничный для отдыха было не в его правилах.

Борис ехал домой из аэропорта на своей машине. На заднем сиденье скучал Семён. Борис должен был доставить его бабушке.

- Дядя Боря, а у вас с мамой всё серьёзно? - внезапно спросил Семён.

- А как бывает иначе?

- Бывает так, что мужчины поматросят женщину и бросят.

- Где ты такому научился?

- Жизнь научила.

- Нам хорошо с твоей мамой. И это главное. Вырастешь - поймёшь.

- Я не буду жениться, когда вырасту.

- Это ещё почему?

- Привыкнешь к человеку, а потом всё равно развод. Все разводятся.

- Не все.

- Все рано или поздно. Это жизнь.

Борису стало жаль мальчика. Он явно не заслужил такой жизни без отца.

Проезжали мимо места, где собирались женщины с пониженной социальной ответственностью. Их легко было узнать по их фривольной одежде и яркому макияжу. Борис никогда не пользовался услугами проституток. Ему всегда хватало тех, кто был с ним. Он редко был одинок. Борис подумал, что загородился, и ему это показалось очень смешным. Впереди на обочине шла спиной к нему брюнетка в чёрной кожаной мини-юбке. У неё была хорошая фигура. Как у Нателлы. Борис проехал мимо неё, и поглядел на неё через боковое зеркало. Это была не Нателла. Ясен пень. С чего ей находиться тут - брести по обочине трассы? Нателла была врачом-психиатром. Они были вместе больше двух лет. Он не просто полюбил её - но провалился в неё глубоко. Ему трудно было прожить без неё и час. Она была королевой ночи, настоящей отвязной, распушенной, манящей, обжигающей, хищной властной. Чего они только не пробовали. Как-то она велела ему поносить её последние словами, ругаться матом во время секса. Они посещали свингерские вечеринки. Од-

нажды они попробовали секс втроём - вызвали проститутку. Прошло время и Нателла сказала, что хочет попробовать с двумя мужиками. И она нашла третьего - лысого большого бородатого. Борис понимал, что это было бы честно - ведь он попробовал двух сразу женщин. Они были в её квартире. Нателла и тот третий стояли раздетые в комнате. "Снимай штаны", - сказала Нателла. "Ну же". И Бориса переклинило. Он набросился с кулаками на мужика. Тогда у них всё закончилось. А она смеялась над ним тогда в тот роковой вечер. "Дурак", - сказала она.

Борис завтракал яичницей и одновременно листал ленту новостей в телефоне. Его внимание захватила одна новость. В Твери было совершенно второе нападение на женщину поздним вечером. Нападавший, угрожая ножом, затащил жертву в кусты, где заставил её раздеться. На удачу жертвы негодяй не успел ничего с ней сделать. Его напугали собаки и он сбежал. Лица нападавшего жертва не видела. На месте преступления найдены медицинские перчатки. Полицейские предполагают, что злодей может работать в медицинском учреждении. Борис посмотрел фото девушки, на которое было совершено нападение. Она была похожа на Олю. Быстро попив кофе, Яшин собрался, покинул квартиру и отправился на работу.

Всё утро Ирина присылала ему фото из Таиланда. Она была очень привлекательна и сексуальна. Борис подумал, что её наверняка захочет закадрить или затащить в постель какой-нибудь озабоченный турист. От этой мысли ему стало не по себе. Он стоял в коридоре и заметил из окна Олю. Она сидела на скамейке с Тимуром. Тимур встал и пошёл. Борис кинул мобильник в карман халата и направился к лестнице.

Скоро он уже был во дворе. Оля сидела на скамейке и улыбалась. Перед ней стоял Соколов и что-то очень горячо рассказывал. Борис подошёл к ним. Соколов повернулся к нему.

– Тот самый смелый Борис. Вы что-то хотели?

– Да, поговорить с Олей.

– Я вам мешаю?

– Есть такое.

– Хорошо, я пойду. А вы, Оля, запомните, какие точки я сказал вам нужно разминать, чтобы нога поскорее восстановилась. И самое главное: хороший, качественный секс. Это лучшее, что лечит быстрее и надежнее всяких лекарств. Я вам настоятельно рекомендую тантру.

Соколов широко магически улыбнулся и пошёл.

Оля глядела на него как овечка на пастуха

- Подонок, - буркнул Борис.

- А. Что? Ты о чём?

- Ни о чём, а о ком. Об этом идиоте. Что ему нужно было от тебя?

- Ничего. Человек хотел мне помочь добрым советом.

- Добрым? Советом? Ты не видишь что ли? Он хочет тебя.

- Он? Меня?

- Он. Тебя. Это же озабоченная скотина.

Борис сел рядом.

- Оля, я волнуюсь за тебя. Обещай мне, что будешь держаться подальше от этого козла.

- Волнуйся за свою Ирочку-дырочку.

- Оля.

- Что?

- Что за тон? Она тоже человек и заслуживает уважитель-

ного отношения к себе.

- Поздравляю её и тебя.

- Оля, ты же сама меня подвела к этой ситуации. Ты не хотела говорить с Тимуром и мне не позволяла.

- Я замужняя женщина. У меня семья, брак. Ты никогда не был в браке и не понимаешь, как трудно это всё, как трудно это разрушить,

Вечером по окончании рабочего дня Борис выходил из больницы с Митей Королёвым.

- Ты слышал про Сокола? Ходят слухи, что в Питере он соблазнил жену главврача. Та влюбилась в него без памяти и требовала, чтобы он развёлся и женился на ней. Сокол её динамил. Она и бросилась с пятого этажа. Чудом жива осталась. Из-за этого скандала, якобы Соколов подался в Тверь, - сообщил Митя.

- Это всё слухи, но не зря в народе говорят, что дыма без огня не бывает, - сказал Борис. - Мне не нравится этот фанфарон.

- Мне тоже.

- Слышал про маньяка?

- Какого?

- Нападающего на светловолосых девушек.

- Нет.

- Менты говорят, что возможно этот псих работает в медицинском учреждении.

- В медицинском?

- Ты глухой?

- Нет, просто, как-то странно всё это.

- Ничего странного. Сумасшедшие никогда не переведутся на этой планете.

15

Ирина вернулась с отдыха. Борис поехал за ней в аэропорт с Семёном. В Тверь вернулись поздно. У Ирины и Бориса была бурная ночь. Борис проснулся в десять утра. У него был выходной день. Ирина уже колдовала на кухне. Она была царицей на кухне, гостиной и в постели.

- Пахнет великолепно, - заметил Борис. - Что это?

- Встал, соня. Садись за стол. Омлет по-норвежски с копчёной сельдью и грибами.

- Обалдеть.

К какао Ирина приготовила изумительные сэндвичи с беконом и сыром.

Борис доедал сэндвич. Ира присела за стол.

- Борь, надо поговорить.

- Надо так надо.

- Я без иронии, я очень серьёзно. У меня есть друг в Москве. Он может помочь с переводом в Москву. Ты должен блистать не здесь, а в Москве, а может быть и в Берлине или в Париже.

- А ты?

- Я тоже переведусь в Москву.

- Есть возможность?

- Есть. Ты хочешь работать в Москве? Что тебя тормозит?

Что случилось с тобой? Я могу знать?

Борис задумался, встал, достал из холодильника бутылку пива, открыл её, сделал пару глотков.

- Я родился в Москве. Это мой родной город. Мой отец именитый хирург - травматолог. У него есть учёная степень - доктор наук. Мама - учитель русского языка и литературы. Счастливая семья. Я единственный ребёнок. Меня все любили. Я хорошо учился. Школа, потом институт. Мне никогда не надо было ничего учить. Я читал текст и запоминал его надолго. Я начал работать, делал сложные операции. Мне со всех сторон кричали: гений. Я почувствовал, что мне всё по силам. Меня любили, у меня была любимая женщина. Я многое себе позволял в любви, в отдыхе. Я мог много выпить алкоголя. Однажды я поспорил на ящик коньяка, что смогу провести сложную операцию после того, как выпью ноль семь водки. В таком состоянии я сделал операцию...

Ира закрыла ладонями лицо и снова открыла.

- Он умер?

- Нет. Выжил и жив до сих пор. Я надеюсь. Об этом случае стало известно многим. Меня вызвал главврач и попросил написать заявление на увольнение по собственному желанию. Самое печальное, что об этом узнали родители. И это едва не убило. Главврач сказал, что ни в Москве, ни в области работы мне больше не будет.

- А тот пациент? Которого ты оперировал пьяный. Кто он?

- О, это был суший негодяй. Его привезли из тюрьмы на операцию. Его было совсем не жалко, но это не отменяет то-

го, что я поступил, как конченный идиот.

- Все ошибаются. Ты всё равно гений.

- Ты такая деловая.

- Это плохо?

- Это замечательно.

- Я очень тебе признателен за то, что ты так стараешься ради меня.

Ира положила ладонь на руку Бориса.

- Это всё было в прошлом. Мы откроем новую страницу нашей жизни. Я попробую всё уладить.

Кате было тридцать девять лет. У неё было несколько узкое лицо и светлые прямые волосы. Она ассистировала Борису, как и Оля во время операций. Борис очень уважал её и ценил за её профессионализм и добросовестность. Они готовились к операции.

- Кто пациент? - спросил Борис.

- Обычный человек, тракторист, пятьдесят три года.

У них было ещё сорок минут до операции. Катя сделала кофе. Они пили кофе с печеньем.

- Как у тебя дела? Как муж? - поинтересовался Борис.

- Хорошо. Генка нормально. Хотя... Странный он какой-то стал. Начал бегать по вечерам. Никогда спортом не занимался, а тут забегал.

- Чудно. Поздно он бегают?

- Поздно.

Геннадий был их коллегой-офтальмологом.

"Врач, поздно уходит из дома", - складывал в голове пазлы Борис.

- А он у тебя, то есть Гена, как к женскому полу относится?

- В смысле? Он вроде не бабник. Он у меня, вообще, женоненавистник.

"О как", - подумал Борис.

- А у тебя как дела? - спросила Катя.

- Прекрасно. Возможно скоро перееду в Москву.

- Давно пора. Вы же гений.

- Ты ещё не усомнилась в этом?

- Никогда в этом не сомневалась.

- Спасибо тебе, Катя. А то я было сам начал сомневаться в этом. Я же москвич. Никогда тут не говорил об этом. Стыдно было. У меня инцидент был неприятный, когда я работал в Москве. Я же ничего не умею кроме, как делать операции. Это для меня вся жизнь. В Москве я смогу спасти больше людей.

- Про нас вы быстро забудете.

- Ну уж нет, Тверь я не забуду никогда и буду сюда приезжать. Ира же здесь живёт. Мы поедem с ней. Это она постаралась.

- Она пробивная, деловая.

- Она царица. Это правда.

До операции оставалось пять минут.

Борис мыл руки и глядел на себя в зеркало. Он думал о Гене муже Кати. Баб он не любит, видишь ли. Поздно гуляет по ночам. И ещё он врач. Борис рассуждал, как следователь. Нормальные люди не гуляют поздно вечером. И он вспомнил, что сам как-то поздно болтался по улицам. Он был пьян и забыл, что тогда происходило. У него случались провалы в памяти. Неужели? Нет, нет, он, которого и так любят все женщины. Надо завязывать с алкоголем. У него начались возникать провалы не только касающиеся воспоминаний мо-

ментов, когда он был пьян, но и профессиональных навыков. Порой он долго не мог вспомнить требования, определения или правила из области медицинских знаний. Но такое было всего пару раз после того, как он выпивал большое количество алкоголя. Борис посмотрел на себя в зеркало и мысленно сказал сам себе: «Алкоголь - твой враг!». И улыбнулся.

Операция началась. Борис сделал уже несколько десятков таких операций на шунтирование. Он делал всё уверенно, пока не началась самая трудная часть процесса. У Бориса начали дрожать пальцы. У него не получалось соединить сосуды. Катя заметила, что происходит нечто ужасное:

- Борис! Ты в порядке?

- Да. Нет. Не совсем. Не получается почему-то.

Другой ассистент-дублирующий хирург Юра закричал:

- У нас мало времени! Борис, соберись!

- Не могу.

Юра подскочил к Борису и отодвинул его.

- Давай же.

Борис смотрел и говорил:

- Не так. Аккуратней. Что? Что это?! Он умер!!!

За окном была чёрная ночь. Дома и деревья были черны, как и небо. Сыпал серый пушистый снег. Борис протёр глаза и страшная картинка исчезла. У него начались видения. Только этого ему не доставало. Он огляделся и понял, что сидит на койке в больничной палате. На нём была серая казённая пижама. Борис напряг память и вспомнил, что с ним случилось. Умер пациент. Он не смог сделать операцию. Он убил человека! У него был нервный срыв. В отчаянии он выпил сто грамм неразведённого медицинского спирта. Потом прибежала Ира и принялась его спасать. Его доставили в психиатрическую больницу, сделали укол и он потерял сознание. Он находился в палате с четырьмя койками. Напротив него лежал пожилой мужчина с длинной седой бородой и читал старую потрёпанную книгу. Борис лёг на койку. Вздохнул. Дверь палаты стремительно открылась и внутрь вошёл розовощёкий тип с прилизанными волосами. В руке он держал чёрную кожаную папку. На плечах его висел белый халат. Он огляделся быстро, увидел Бориса, взял стул и сел рядом с ним.

- Следователь Карташов, - представился он и достал бумаги из папки.

- Дело будете шить? - спросил Борис.

- Ну и сленг у вас, господин доктор. Я делаю свою работу,

ВЫ СВОЮ.

- У меня плохо получилась моя работа.

- У всех бывают осечки.

- В моём случае цена осечки слишком велика.

- Скажите, Яшин, кто последний делал манипуляции с пациентом вы или Юрий Орлов?

- Орлов, а что?

- Как что? Это многое меняет. Он сядет в тюрьму, а не вы.

- В какую тюрьму?

- Обыкновенную. Он уже находится в СИЗО.

- Это неправильно.

- Почему?

- Он хотел помочь. Я не мог соединить сосуды, скрепить их. Юра бросился помочь мне. Он хотел исправить мою оплошность, но ему не хватило времени.

- Кто тогда виноват в смерти пациента?

- Я, но вы видите, я не совсем здоров психически, мне нельзя в тюрьму.

- Пока нельзя, а дальше видно будет.

Следователь ушёл.

После обеда пришла Ирина. Она поставила пакет с едой и соками на тумбочку, села на край койки Бориса и положила голову ему на грудь.

- Милый.

Она поцеловала Бориса в губы и щёки.

- Хватит.

Борис аккуратно отстранил её.

- Юра в тюрьме. Надо его вытаскивать оттуда.

- Он сам виноват. Зачем полез делать, что не умеет?

- Потому что я не мог.

- Его уже выпустили из изолятора.

- Хорошо.

- Никто не виноват. Это стечение случайных обстоятельств.

- С моей головой что-то происходит, что-то неладное.

- Здесь тебя посмотрит один очень толковый врач - мой очень хороший знакомый.

- Мне нельзя больше пить. Я убил человека.

- Никого ты не убивал. Это была случайность. Ты лежишь здесь немного, поработаешь у нас пару месяцев и мы уедем в Москву.

- Разгонять тоску? Жизнь будем налаживать, а человека нет.

- Ты хороший, Боря, но надо быть ещё сильным. Испытания нам посланы, чтобы сделать нас сильнее.

- Хорошо так рассуждать, когда ты никого не убил.

Ирина взяла руку Бориса.

- Всё наладится, милый. И это пройдёт.

Ирина ушла и Борис вспомнил, что хотел попросить её принести ему спиртного, хотя бы пива пару бутылок. Ему было гадко и тошно. Сон не шёл. Аппетита не было. На тумбочке зазвенел мобильник. Звонил отец.

- Привет, пап, - ответил Борис.

Отец, прежде чем начать разговор, презрительно хмыкнул.

- Ты спокоен? Кошки на душе не скребут? - начал он.

- Пап.

- Не папкой. Я всё знаю. Как ты мог? Это всё твои бабы и алкоголь. Ты опозорил весь наш род. Яшины все были хорошими уважаемыми врачами и учёными. Твой дед мой отец выпил вина только на похоронах своего отца. Он любил только свою жену и никогда ей не изменял. Он прожил девяносто семь лет. Это была яркая, достойная, честная жизнь. Я никогда не пил спиртное. Только раз позволил себе немного водки, когда сборная России по футболу проиграла сборной Португалии семь ноль. И я никогда не изменял твоей маме, не помышлял даже об этом. А ты, ты - позор семьи. Почему ты до сих пор не застрелился? Не из чего? Я тебе могу для этого привезти именной дедушкин наган.

Доктор Оленин стоял у окна и курил, пуская дым в открытую форточку. Он был некрасив и мрачен. Очки с толстым стеклом делали его вид ещё более неприятным. Борис, ссутулившись, сидел перед его столом.

- Вот, что я вам скажу, друг мой, у вас амнезия - это факт, но она необязательно связана с алкоголем, - заключил Оленин.

Он был психиатром.

- У меня что-то страшное? Альцгеймер? Деменция? - испугался Борис.

- Не обязательно. Вы могли переутомиться, выгореть. Умственный труд, если он носит чрезмерный характер, порой приносит вред здоровью. Особенно ментальному, интеллектуальному.

- Так как же мне быть?

- Живите, как жили. Восстанавливайтесь. Больше спите и отдыхайте. От серьёзных операций вас отстранят на время.

- А что касается раздвоения или размножения личности?

- Диссоциативное расстройство идентичности. Чтобы мне его диагностировать, я вас должен наблюдать ещё месяц. Вы будете приходить ко мне раз в неделю.

Бориса выписали из психушки. Тот день он провёл с Ириной и остался у неё на ночь. Ирина уже ждала его в посте-

ли: манящая, сладостная, трепетная в одних стрингах. Борис сидел, сгорбившись на краю кровати. Он пришёл из душа и обернулся полотенцем. Ирина прильнула к нему, поцеловала в лопатку.

- Милый, что тебя гнёт?

- Понятно что. И ещё отец...

- Не принимай близко к сердцу его слова.

- Он отец мой.

- Он просто гандон...

Борис шёл по коридору больницы. Он вернулся к работе. Где-то играл саксофон. Это был Сокол. Странно, что ему разрешили играть на музыкальном инструменте в рабочее время. Или он своевольничал. Борис улыбался и здоровался со всеми коллегами. Те делали то же несколько натужно и неестественно. Один раз Борис чётко расслышал за спиной: "Убийца". Он дошёл до кабинета Королёва, открыл дверь. В кабинете сидел другой человек.

- А Митя где?

- У него больничный.

- Что с ним?

- Грипп, кажется.

Прошла неделя. Борис не делал операций, лишь изредка консультировал других специалистов и осматривал пациентов. Его злила такая ситуация. Так он точно всё забудет. Он сидел в своём кабинете и тупо смотрел в окно. Он хотел вспомнить что-то из медицины, но в голове вертелись толь-

ко девушки и женщины, которых он любил. Оля. Как же ему было сладко с ней. Он балдел, когда она лежала на животе, а он входил в неё сверху в её мокрую и сочную киску. Как же ему было хорошо. Как приятно было слушать шлепки от ударов его бёдер о её белую попку. Оля. А Ира. О, она царица. Она не затмила Олю. Это пока. Нужно время. Он всё равно помнил и других женщин. Нателла. Эта тварь похотливая. Он её уже почти забыл. Алина. Кира. Нонна. Светка. И ещё было что-то очень приятное и сладкое. Он забыл. Напрягал память и никак не мог вспомнить. Неужели с его памятью произошли необратимые губительные процессы? И он станет растением, овощем? Его никто больше не назовёт великим и гением? От этой мысли ему стало не по себе. Он встал с кресла, прошёл к сейфу, открыл его, достал фляжку с коньяком и отпил решительно одним глотком сто грамм, поморщился, занюхал рукавом халата. Нет. Только не это. Он должен работать. Борис решительно вышел из кабинета. В коридоре он натолкнулся на Олю и Сокола. Сокол что-то весело рассказывал ей: анекдот или смешную историю. Борис с мрачным видом прошёл мимо них. Он ворвался в операционную, как вихрь, подготовленный: в перчатках, в маске. Врач и медсестра не сразу узнали его.

Орлов глядел на него с минуту.

- Борис? Ты чего?

Борис вырвал у него скальпель из руки.

- Дай. Я сделаю эту операцию.

Он резко отодвинул Юрия в сторону.

- Ты спятил?! - воскликнул Орлов.

- Не мешай.

Оперировали полного мужчину шестидесяти лет с тромбозом. Он спал под наркозом. Так где тут надо резать?

Ага. Здесь. Борис сделал надрез.

- Дайте мне мой любимый скальпель, - потребовал он.

Медсестра дала другой скальпель Борису. Он делал то, что делал раньше. Кажется, он помнил, как и что надо делать.

Одна медсестра сказала другой шёпотом:

- Он псих. Что он делает?

Вторая шептала первой в ответ:

- Во всяком случае этого он не убьёт.

- Ага. В худшем случае пациент потеряет только ногу.

Осталось только соединить сосуды. Борис делал всё аккуратно. Всё у него получалось. И он вспомнил. Девушка голая бежала по полю с васильками и ромашками. Трава росла выше пояса. Её белая попка завлекательно колыхалась, пробуждая в нём неугасимую страсть. Ему было шестнадцать и ей было шестнадцать.

- Дай я закончу.

Это был Юрий. Он вернул его из его сладкого воспоминания.

- Нет. Я сам.

И он закончил операцию. Она прошла успешно.

- Вот так, - сказал он.

Вышли из операционной.

- Я могу. Я не овощ. Я классный хирург, - радовался Борис.

Медсестры смотрели на него с недоумением. Он расцеловал их обоих.

- Вы тоже молодцы.

Довольный Борис шёл к своему кабинету, около которого стоял мужчина с розовой лысиной в накинутом на плечи белом халате. Он достал ксиву и сунул её в лицо Яшину.

- Майор Евдокимов, полиция.

- Прекрасно. Проходите, я вас угощу чаем, - позвал мента в кабинет Борис.

Он весь сиял и широко улыбался.

- У меня нет на это времени, - пробурчал служитель порядка.

Василиса. Он вспомнил её. У её родителей была дача там же, где и дача Яшиных. Они тогда познакомились в то лето. Она тоже была из Москвы, откуда-то из центра. Её мама была директором ювелирных магазинов двух или трёх. Им было по шестнадцать лет. Они гуляли и дурачились. Первый раз у них это случилось прямо в поле. Они гонялись голые друг за другом и упали в траву около оврага. Они целовались и ласкали друг друга руками. Борис пальцем довёл Василису до оргазма. Потом она ласкала рукой его член, пока он не кончил. Им было хорошо и легко. Он вдыхал её волосы и запах её тела и это сводило его с ума. Тогда Борис думал, что они будут вместе всегда, но ошибся. Их встречи были крайне редки. Василиса играла на виолончели. Она училась в музыкальном училище. Музыка отнимала у неё много времени. А Борис хотел быть с ней чаще. Они быстро расстались. Потом Борис узнал, что она играла в симфоническом оркестре. Иногда он думал, что искал её в других женщинах, которые были после неё.

- Доктор, с вами всё нормально? - вернул Бориса из его воспоминаний мент.

- Что? А. Да, всё хорошо.

Евдокимов начал принохиваться.

- Что это? От вас разит алкоголем. Вы пьяны?!

- Я? Что вы. Вам показалось.

- Вы пьяны! Это преступление! Врач пьяный на работе!

Откуда вы пришли? Ага, оттуда, я запомнил. Идём же туда.

Евдокимов и Яшин вошли в помещение перед операционной, где ещё находился Орлов и медсёстры. Евдокимов показал всем свою ксиву.

- Что здесь происходило? - спросил строго он.

- Операция по тромбофлебиту, - ответил Орлов.

- Кто оперировал?!

Повисло молчание. Медсёстры и Орлов переглянулись и уставились на Яшина.

- Я, - ответил Орлов.

- Как-то вы это неуверенно говорите, - усомнился в честности Орлова Евдокимов...

Через три часа Борис уже сидел, понуро опустив голову, в кабинете Евдокимова в отделе полиции. Евдокимов повесил пиджак на спинку стула, вытер пот со лба платком и прошёлся по кабинету.

- Что пригорюнился-то, доктор? Приуныл. Ты же хорошо жил, красиво, с размахом. Бабы, алкоголь, почитание коллег. Что ещё надо для счастья человеку? Ан, нет, этот гений умудрился убить человека.

- Я не убивал никого.

- Убивал. Непреднамеренно, но убивал. И я докажу это.

- Дело же закрыто.

- С чего ты взял? Оно ещё не закрыто. Его хотели закрыть.

- Так зачем же дело стало? Я не виноват, поверьте.

- Появились новые обстоятельства: сигналы ваших коллег.

- О чём же они сигналият?

- О том, что вы ведёте разгульный, развратный, непотребный образ жизни. И я этому был свидетель сегодня. Медицинская экспертиза подтвердила, что вы употребили алкоголь прямо на рабочем месте.

- Я перенервничал. Извините.

- Суд решит. Прощать вас или не стоит этого делать.

- Какой ещё суд?

- Обыкновенный.

- Я не хочу в тюрьму.

- Мало ли чего вы не хотите. Я не могу вас выпустить на волю. Вы опасны для общества...

- Майор, не надо...

Яшин оказался в камере СИЗО на четыре человека с двумя двухярусными шконками. Камера была серой, сырой, мрачной. Слева на нижнем ярусе лежал крепкий бородатый мужчина, назвавшийся Бармалеем. Справа нижнюю шконку занимал молодой человек с серым лицом - Руслан. Борис представился. Он занял верхнюю шконку над Русланом.

- Тебя-то за что сюда кинули? - спросил Бориса словоохотливый Руслан.

- Хотят сто девяную пришить часть вторую до трёх лет.

- Это что за статья такая? Ни разу не слышал, - сказал Бармалей.

- Причинение смерти по неосторожности в следствии ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Что-то такое.

- Ты убил кого-то? - удивился Руслан.

- Не то, чтобы убил, но получается, что, да, убил. Я сделал операцию на сердце неудачную и пациент скончался.

- Так ты врач! - восхитился Руслан. - Как это здорово. Хорошо быть врачом. Столько женщин хороших вокруг.

- В этом смысле да, - согласился Борис.

- И какие они? - не унимался Руслан. - В сексе.

- Замечательные.

- Разные штуки исполняют? Самые изощрённые?

- Они просто оторвы в постели.

- Хватит уже, извращенцы, - начал сердиться Бармалей. -

Смените тему.

- Да отстань ты, Бармалей. Консерватор ты старорежимный. Дай поговорить с человеком по душам. Борис, скажи, а они просто так сильно хотят трахаться или у них ещё чувства есть?

- Без чувств никак. Сначала у них бошку сносит капитально от меня, а потом уже секс. И я должен её полюбить. Я растворяюсь в ней, как сахар в горячем крепком чёрном чае. Тогда происходит магия. Слияние не только двух тел, но и душ. Это космос, рождение новой вселенной.

- Да, заткнитесь вы! - ворчал Бармалей.

- Ух, ты. И я хочу, чтобы у баб от меня башку сносило.

Что делать-то надо? Подскажи, Борис.

- Ничего.

- Как ничего?

- Ты должен почувствовать себя гением и вести себя, как гений.

- Это как?

- Что ты делаешь хорошо?

- Ничего. Я никогда не работал.

- Ты, может быть, философ по жизни?

- Наверняка. Почему бы нет?

- Пойми, что ты гений и веди себя соответственно.

- А женщин, как надо любить, чтобы они балдели от тебя?

- Как? Как? Ты это сам знаешь, но боишься себе в этом признаться. Это, как любить человека всего, его кожу, его глаза, его рот, его ноги.

- Его жопу, - продолжил Бармалей.

Повисла пауза.

- Доктор, давай начистоту. Ты в пилотку нырял? - спросил Бармалей.

- Бармалей, не надо, - попросил Руслан.

- Варезку закрой! Я жду ответ!

- Пилотку? Ты про что?

- Ты секель бабе лизал? Целовал?

- Мне не нравится твой жаргон. Можно мысли выражать более культурно.

- Знаешь, что с культурными тут делают, Айболит? Лизал.

По тебе видно, что лизал. Быть тебе тут Машкой или Наташкой.

- Я хирург! Знаешь, сколько я спас людей!

Борис привстал на своей койке.

- Ты чего раздухарился-то? Ударить меня хочешь?

- Не хочу я связываться с быдлом.

- Чего?! Чего ты сказал, падла?

Бармалей соскочил со своей шконки и схватил Бориса за ногу. Борис свалился на бетонный ледяной пол. Бармалей принялся колотить кулаками Бориса по лицу и груди. Борис прикрывал лицо руками и всё равно пропускал удары.

- Зови охрану! - успел крикнуть он Руслану.

- Только попробуй, придушу, - припугнул Руслана Бармалей.

Борис перестал чувствовать боль в какой-то момент. Он подумал, что так пришла его смерть. Не закономерный ли это финал его непростой дурацкой жизни?

На трёх столах лежали три тела запакованные в чёрные пакеты. В помещение слабо горел свет. Окон здесь не было. У одного из столов стоял седой патологоанатом Анатолий Серый и думал о чём-то. Дверь открылась. Вошёл Евдокимов с любимой кожаной папочкой в руке.

- Толя, вот ты где?

Серый повернулся к майору.

- А, товарищ майор. Оформлять будете? Этих ребят?

- Меня одно тело интересует.

Майор поглядел на тела в пакетах.

- Как же коротка жизнь, - заметил он.

- И глупа, - добавил Серый.

- Ну, это у кого как. Кому как повезло.

Дверь снова открылась и помещение вошёл средних лет мужчина брюнет в бежевом вельветовом пиджаке на жёлтой рубашке с портфелем в руке.

- Товарищ майор, вы мне очень нужны.

- Я всем нужен. Обращайтесь ко мне по моему месту службы. У меня нет времени на досужие разговоры.

- Это дело касается вас. Вашей карьеры.

Евдокимов сморщил лицо и пристально осмотрел незнакомца.

- Ладно. Я сейчас, - сказал он Серому.

Он и незнакомец вышли в коридор.

- Я Филипп Романовский, адвокат.

Этот человек протянул руку для пожатия. Не хотя, Евдокимов пожал её.

- Из Москвы, - добавил Романовский.

- И что теперь?

- Я представляю интересы Бориса Яшина.

- Сочувствую вам.

- А я вам.

- Что вы себе позволяете? Думаете, раз из Москвы, то вам всё дозволено?

- Извиняюсь. никоим образом не хотел вас оскорбить или как-то задеть, но я полагаю, что моего подопечного надо выпускать.

- С какого это перепоя?

- А с такого: он ни в чём не виновен. Он был в состоянии амнезии. У нас есть справка из психбольницы.

- И что? А как он дошёл до такого состояния? Пьянство, бабы, раздолбайство. Это позор. Он должен сидеть.

- Это должен решить суд.

- Вот и решит.

- Но это не тяжёлая статья. Яшин может дожидаться суда на воле. Он никуда не убежит.

- От этого скота можно ожидать что угодно.

- Вы предвзято относитесь к нему. Почему? Что он вам сделал?

- Ненавижу таких зажавшихся, потерявших берега говнюков. Зло должно быть наказано.

- Значит, вы не хотите пойти мне на встречу?

- О чём это ты?

- О том, что я могу инициировать следственную проверку о том, что вы оказывали давление на подсудимого, организовав его избивание в камере.

- Я к этому не имею никакого отношения. Это была случайность. Он сам нарвался. Дебил хвалился своей популярностью у баб. Он не знает, о чём можно говорить в камере, о чём нельзя.

- Это надо будет доказать, что это была случайность. Ваша предвзятость в данном деле на лицо. Вы мне не оставляете выхода. Мне придётся задействовать все ресурсы, в том числе прессу, чтобы помочь моему подзащитному.

Евдокимов схватил Романовского за грудки.

- Слышь ты, сявка московская! Ты мне тут не угрожай. Я здесь на своей земле. А ты тут залётный фраерок. Будь осторожен...

Борис лежал на койке в маленькой палате. У него была перебинтована голова и правая рука. Он был один в палате, соседняя койка пустовала. Его привезли не в его больницу. В два часа дня к нему прошёл Романовский с пакетом апельсинов и яблок. Адвокат влял стул и сёл рядом с Яшиным. Они были друзьями ещё в детстве. Они учились в параллельных классах. Дальше по мере взросления общение их стало

редким, но не прекратилось. Борису удалось дать весточку Ирине, чтобы она связалась с Филиппом. И вот он в Твери.

- Как ты? - спросил Филипп.

- Офигенно. Я хочу бежать отсюда.

- Не получится. За дверью сидит полицейский.

- Суки. Мне нельзя больше в тюрьму.

- Я сделаю всё, что могу, чтобы тебя отпустили до суда.

- Суд. Меня же могут всё равно посадить. Ублюдки. Этот

Евдокимов урод.

- Он очень упёртый.

- Ты видел его?

- Да, поговорил с ним.

- И что?

- Трудно с ним, но я попробую повлиять на него нужным для нас образом...

Фонарёвы ужинали у себя в квартире. Тимур хлопотал с готовкой. Он смешно выглядел в кухонном фартуке. Оля сидела за столом со скучающим видом. Тимур подал ей большую тарелку с жареными макаронами и колбасой, к которым прилагались солёные помидоры и огурцы. Сам Тимур собирался есть прямо из сковороды. Оля ела.

- Вкусно?

Тимур глядел на неё.

- Ага.

И Фонарёв принялся за еду.

- Слышала про Яшина? - спросил он.

- Нет.

- Его защищать прибыл адвокат из Москвы.

- Он его наверняка вытащит.

- Это вряд ли.

- Почему?

- Помнишь, Евдокимов обошёл всех наших и просил дать показания на Яшина.

- Конечно.

- Макаров и Огородникова уже хотят дать показания на суде.

- Что они скажут?

- Что он бухал прямо на работе и развратничал.

- Зачем им это?

- Зло должно быть наказано.

- Борис - зло?

- Конечно. Может быть, я тоже дам показания на него.

- Ты. Но почему?

- Бесит он меня. Бабы его любят. А за что его любить?

Козловский московский. Пижон.

- Тимур, это низко. Обещай, что не сделаешь этого.

- Ты его защищаешь?!

- Он в беде. Это как утопающему помочь утонуть. Нельзя так.

- Он сам прошёл к этой точке.

- Тимур, не надо. Что он тебе сделал? Соколов тоже пользуется успехом у женщин.

- Ещё один дятел. Слышала, люди видели, как он закрылся с Серафименко в кладовой, а потом оттуда раздавались громкие стоны и возгласы.

- Серафименко? Ей же почти пятьдесят.

- Ты думаешь, этого подонка останавливает возраст жертвы?

В декабре прошёл суд. Было хмурое серое утро. Борис сидел в закутке для подсудимых. В зале собралось тридцать шесть человек. Была Ира. Были коллеги. Были Фонарёвы.

До суда Яшин находился на свободе. Филипп добился его освобождения из изолятора. Работать в больнице ему было запрещено. Он жил с Ирой.

Судья дал слово Евдокимову. Майор был эмоционален и напыщен.

- Люди взгляните на этого человека! Приятная наружность располагает к себе. Интеллигентность вызывает доверие и симпатию. Сколько дала природа и родители этому бабловню судьбы. От зависти можно сдохнуть. Живи и радуйся, твори добро, помогай людям. Ан, нет. Это было бы слишком просто. У человека закружилась голова от успехов и всеобщей любви. Звёздная болезнь это называется. Он пьянствовал, совращал женщин, развратничал, исполнял свои обязанности в состоянии алкогольного опьянения. И, как итог - убийство человека. Непреднамеренное, да, но убийство. Защитники скажут, у него было амнезия - потеря памяти. А с чего он потерял память-то? Не с того ли, что пил, развратничал, вёл аморальный образ жизни? Этот человек опасен! Он должен ответить за то, что содеял! Он должен быть в тюрьме, а не на воле.

Из коллег Яшина никто не выступил против него. Те, кто давал на него показания, отказались от выступления в суде в самый последний момент. Их в этом убедил Романовский. Однако со стороны обвинения слово взял брат умершего на столе у Яшина шестидесятилетний Сергей. Это был простой человек, водитель. Он подошёл к трибуне.

- Я не умею красиво говорить, - свидетель говорил с паузами, стараясь проглатывать матерные слова и словосочетания, из которых состояла его речь в обычной жизни едва ли не на половину. - Мой брат погиб на столе у этого живодёра. Про Ваську говорят много плохого, дескать, семью бросил, развалил, бухал, с детьми не общался, денег им не давал, но, скажите мне, откуда ему взять деньги? Он был тракторист, простой работяга, нищеброд. Его жизнь ничего не стоит. На нём можно и схалтурить и дать потренироваться какому-нибудь студенту. Но Васька навсегда в нашем сердце останется. Для нас он будет дорог всегда, пока мы живы. Для меня и сеструхи Надьки. Мы не простим его смерть, когда он мог жить. Он счастья не видел в жизни своей. Может быть оно было ещё впереди, но его лишил этого этот холёный зажавшийся, зарвавшийся тип. Он должен сидеть в тюрьме.

Со стороны защиты выступила девушка Юлия:

- Про Бориса Яшина сказали много страшных, злых слов, но он спас моего отца, спас от верной смерти. Отцу сейчас семьдесят лет. Он жив и находится в хорошем состоянии для своего возраста. Мой отец сам спасал другие жизни. Он спа-

сатель, заслуженный спасатель России.

И ещё в защиту Яшина выступили семь человек его пациентов и их родственников. Подвёл итог Романовский:

- Друзья, Борис Яшин хороший человек, чтобы про него не говорили некоторые люди, находящиеся в этом зале. Он стал жертвой обстоятельств. Амнезия настигла его в самый ответственный момент. Это не его вина. Это вина его организма. Вина судьбы, рока. Он иногда позволял себе расслабиться. Это факт. Но почему? Вы знаете, что собой представляет работа хирурга? Это адский труд. Он убивает тех, кто им занимается. Убивает и изматывает тех, кто спасает другие жизни. Кто он Борис Яшин? Злодей? Нет. Он ошибался, но кто из нас без греха. Основной мотив его поступков - это творить добро, спасти жизни. И мы хотим его бросить в тюрьму на растерзание нелюдей с привычками животных? Мы не знаем, какие у нас тюрьмы? Человека, который творит добро. Разве у нас хватает достойных, талантливых хирургов. Сколько жизней он сможет ещё спасти? Или нет, пусть он будет страдать на зоне. А те, кому нужна будет квалифицированная помощь как-нибудь выкарабкаются? У меня всё.

Заседание длилось больше три часов. Судья мужчина с лысиной в очках с толстыми стёклами зачитал приговор:

- Суд постановил присудить Яшину Борису один год.

Судья запнулся, кашлянул в кулак. Борис почувствовал, как его всего затрясло.

- Условно, - закончил судья.

Романовский и Ира бросились к Борису обниматься.

В тот вечер перед сном Борис находился в хорошем расположении духа. Он лежал голый под одеялом. Ира сидела на краю кровати в одних стрингах и думала. Борис погладил её по спине.

- Кис, прыгай ко мне, я хочу тебя всю без остатка.

- У тебя остались силы? Ты выпил десять бутылок пива.

- Двенадцать.

- Надо завязывать с синькой.

- Надо, надо.

Борис развернул Иру к себе лицом, обнял и сильно поцеловал в губы.

Город заметало снегом. Борис вёл машину такси. Надо было как-то зарабатывать на хлеб. Неудобно было перед Ирой сидеть у неё на шее. Он большее время жил у неё. Из больницы его уволили.

Стемнело.

Борис остановил машину у большого супермаркета. Его ждала девушка в синем пуховике с белым шарфом без головного убора. Она быстро юркнула на заднее сиденье машины.

- Набережная реки Лазури? - спросил Борис.

- Да.

Он тронулся.

- Борис?

Борис пристальнее поглядел в зеркало заднего вида.

- Катюха?

- Ага.

- Ты как?

- Нормально. А ты?

- Тоже. Хотя, как сказать.

Он вспомнил, как у них случился секс по дружбе. Так он это называл. Катя работала медсестрой в его больнице. Потом она уволилась. Был Новый год. Народ отмечал праздник. Всё как полагается. Он и Катя зашли в его кабинет, шутили, болтали о чём-то смешном, хорошем, и Борис не заметил,

как уже целовал Катю в губы, а потом покрывал поцелуями её всю, приговаривая:

- Катя, Катенька, Катенька, Звёздочка моя, Рыбонька, Девочка единственная...

Он даже не удосужился закрыть дверь. Всё случилось спонтанно. Потом Борис говорил Кате:

- Кать, ты классная. Как всё так получилось? Сам не пойму. Мне словно бошку снесло в какой-то момент.

Катя слабо улыбалась.

- Мне тоже, - говорила она.

И больше у них ничего не было. Это было до его романа с Олей. Он даже не знал был ли парень или муж у Кати.

Они ехали.

- Кать, я забыл, а ты замужем?

- Нет.

- А парень есть у тебя?

- Нет.

- Странно, ты такая видная, красивая, неужели у тебя нет поклонников?

- Есть, но они мне не нравятся.

- Почему?

- Не люблю тупых.

- Умные не встречаются что ли?

- В наших краях очень редко...

Фонарёв думал о даче. Что надо будет сделать в новом году: сначала новый туалет или душ. Он никак не мог уснуть.

Была ночь. Рядом спала Оля. Она дёрнулась, перевернулась на спину, потом резко выгнулась и пролепетала:

- Боря! Не надо! Что ты делаешь со мной?! Любимый!

Тимура словно током шибануло. Боря? Любимый? Она кончила что ли? Во сне. Стоп. Это был только сон. Бабы они все дуры и влюбляются в мудаков. Он пытался себя успокоить, но получалось это плохо. Неужели, она ему изменила? Или это просто сон? Тимур вертелся час, пока не придумал кое-что. Он встал с кровати взял с комода Олин мобильник и пошёл в туалет. Он знал, как тот разблокировался. Оля как-то сама сказала ему код. Тимур залез в один из мессенджеров и начал листать переписку. Ага, Сокол ей слал смешные картинки и видео. Ублюдок. Он листал дальше, пролистал несколько месяцев. БЯ. Кто это как не Яшин. "Девочка, моя я хочу тебя всю". "А я тебя", писала в ответ Оля. И дальше всё в том же духе. А это уже просто бомба. БЯ писал: "Когда я в тебе, у меня крышу сносит и сам я уношусь в космос".

Тимур включил в комнате свет. Оля не просыпалась. Тимур громко включил радио на музыкальном центре. Пела Татьяна Буланова "Не плачь". Тимур сел на стул. Оля проснулась и испуганно уставилась на мужа.

- Тимур? Что случилось?

- Ты не догадываешься?

- Нет. Кто-то умер?

- Ага. Я. Прежний.

Он схватил её за волосы и скинул с кровати на пол.

- Шлюха! Тварь!

- Тимур, пожалуйста, не убивай меня! Не бей!

- Ты трахалась с Яшиным?! Он драл тебя?! Как кошку драл?!

Тимур схватил Олю за волосы и приподнял.

- Нет.

- Не ври мне! Дрянь позорная!

- Я не хотела!

- Он тебя силой брал?!

- Нет.

- Проститутка!

Тимур вlepил болезную звонкую пощёчину Оле. Она пока- тилась по полу, попыталась встать. Тимур схватил её за во- лосы и бросил на середину комнаты, перекрыв путь к двери.

- Не надо! Тимур, пожалуйста!

Оля ревела и дрожала.

Тимур сделал музыку погромче...

Борис заехал в больницу за Ириной. Он приехал раньше на полчаса и решил зайти к Королёву. Тот работал в своём кабинете за компьютером. Борис по-хозяйски залез в холо- дильник.

- О, у тебя есть торт. Угощаешь?

- Бери, - флегматично ответил Митя.

Борис поставил чайник.

- Скучаешь по больнице? - спросил Митя, оторвавшись от работы.

- Есть немного. Но может оно и лучше. У меня проблемы с головой.

- Будешь таксовать остаток дней?

- Не знаю. Ирина хочет меня устроить в Москву.

- Она упорная.

- Да. Мне, кажется, она стала несколько холодной.

- Конечно. Перспективный мужик сдулся, который мог в Москве приносить большие деньги.

- Ты думаешь, она со мной из-за денег?

- Но не из-за постели же.

- Ты не знаешь, как я хорош в сексе.

- Таких, как Ирина, одним сексом не удовлетворишь. Им нужна власть, карьера, бабки.

- На фига ты оскорбляешь мою женщину?

- Ладно, не буду.

Борис залил кружку с чайным пакетиком кипятком.

- Что-то я Олю не видел в больнице.

- Она на больничном.

- Что с ней?

- Не знаю.

Митя пожал плечами.

Борис взял мобильник, нашёл Олин номер в мессенджере. Он давно ей не писал. Написать или не стоит всё беречь? Он начал писать, хотел справиться о её состоянии, но передумал, стёр буквы и положил телефон на стол.

Прошёл месяц и Ирина с Борисом и Семёном переехали в Мытищи, где сняли однокомнатную квартиру.

- Это только начало пути. Мы обязательно будем жить в Москве, - сказала Ирина.

Она нашла работу себе и Борису в частной клинике на севере столицы.

Главврач проинструктировал Бориса. От него требовалось впаривать пациентам порой ненужные процедуры и осмотр у других специалистов, в котором не было большой необходимости. Нужно было также навязывать пациентам сдачу анализов, чем больше тем лучше. Это был большой, серьёзный бизнес. Это сразу как-то подломило Бориса внутренне. Он понимал, что это всё неправильно, нехорошо. Но он был хирург. Ему нужна была практика. Он провёл две успешные операции. Его хвалили, даже хозяин клиники лично позвонил ему и выразил слова благодарности. Вечером Борис и Ирина приезжали домой. Семён обычно сидел в своей комнате и играл в приставку. Ирина готовила ужин и они ели вместе. Борис наливал себе и Ирине в рюмки коньяк и они выпивали. Часто без тоста. Ирина обычно убирала бутылку, когда Борис выпивал грамм двести - двести пятьдесят.

- Тебе хватит сегодня, - решала она.

Она тоже пила, иногда больше чем он. Борис стал замечать, что это отражалось на её лице: появились мешки под глазами, кожа начала приобретать землистый цвет.

Они лежали в кровати. Оба на спине.

- Тебя что-то гложет, - сказала Ирина.

- Всё это неправильно.

- Это закон джунглей: выживает сильнейший.

- А слабые?

- Слабые вымрут.

- Мы сильные?

- А то. Мы покорим этот город.

- Зачем?

- Потому что только тут можно жить. Те, кто тут живёт - первый сорт. Не хочу быть замкадышем.

Борис вспомнил слова отца. Может быть, он был прав? Он - позор семьи. Когда он был маленький, отец играл с ним, подкидывал его вверх, щекотал. От этих воспоминаний защемило больно с груди.

У Бориса появился пациент с тромбофлебитом. Осмотр не дал однозначный показаний в необходимости операции. Однако главврач настаивал, чтобы Борис прооперировал его.

- Ты классный хирург. Хуже ты точно не сделаешь.

И Борис согласился сделать операцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.